Александр Тушер

Не приступай к Богу с сердцем раздвоенным

(Сирах 1,28)

Москва 2026

Александр Тушер

«Не приступай к Богу с сердцем раздвоенным» (Сирах 1,28)

«Издательство «Перо»

2026

УДК 27
ББК 86.37

Тушер А. Ф.

«Не приступай к Богу с сердцем раздвоенным» (Сирах 1,28) /
А. Ф. Тушер — «Издательство «Перо», 2026

ISBN 978-5-00289-328-7

«Не приступай к Богу с сердцем раздвоенным» — это книга-свидетельство о живой вере и Промысле Божьем. Она посвящена главному вопросу христианской жизни — подлинной встрече человека и Бога. Это не обычное автобиографическое повествование, а глубокое размышление о Промысле Божьем в человеческой судьбе. Автор, архимандрит Нектарий, через призму своего опыта раскрывает главную тему книги: только личный опыт и соприкосновение с Божественной любовью зажигают сердце. Издание станет надежным ориентиром для всех, кто хочет отложить раздвоенность мыслей, увидеть Евангельскую истину глазами ума и начать свой собственный, осознанный путь к Богу. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 27
ББК 86.37

ISBN 978-5-00289-328-7

© Тушер А. Ф., 2026
© «Издательство «Перо», 2026

Содержание

От автора 6
Предисловие 7
Глава 1 13
О живой вере 17
Глава 2 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Александр Федорович Тушер
Не приступай к Богу с сердцем раздвоенным

© Тушер А.Ф., 2026

По благословлению Блаженнейшего Онуфрия, Митрополита Киевского и всея Украины и Высокопреосвященнейшего Федора Митрополита Мукачевского и Ужгородского.

От автора

Представляя эту рукопись читателю, я выступаю не как ее автор, а исключительно как составитель. Настоящий автор издания мой брат – Архимандрит Нектарий, монашествующий священник, живущий последние десять лет в горах Абхазии.

Текст записан со слов Архимандрита Нектария и рассказывает о событиях его жизни, связанных с промыслом Божьим, и о смирении.

А. Тушер

Предисловие

Однажды, общаясь с одним не церковным человеком, чтобы выразить свою точку зрения, я стал ссылаться на священные тексты Церкви, на древние источники жития святых, на их слова и подвиги, на что этот человек мне возразил:

– А что мне до того, что было раньше, мне в это не верится, вы лучше о себе и о своей вере расскажите, без ссылок на тексты!

И в каком-то смысле этот человек был прав, потому что наши слова и рассказы, не подкрепленные жизнью, другое сердце не цепляют и не согревают. Вот этот момент и сподвиг меня взять и написать свою историю, цель которой – поделиться с читателем своим небольшим опытом прохождения христианской жизни в современных нам условиях. Это не автобиография, как может показаться на первый взгляд, в книге я попытался описать те события, которые были связаны с промыслом Божьим в моей жизни, и я был намерен придерживаться только нити такого повествования, в котором будет изложена только религиозная сторона моей жизни и все, что ей сопутствовало, и в особенности последние десять лет моей жизни в горах Кавказа. Но главное, о чем мне хотелось рассказать и какой вопрос осветить, – это засвидетельствовать о смирении Господа нашего Иисуса Христа, Который множество раз в моей жизни, несмотря на Свое всемогущество, смиренно склонялся перед моей ничтожностью, чтобы мне помочь хоть немножко прийти в себя и исправить мою жизнь, и я убедился в том, что если человек хочет поверить в Бога и своим сердцем прикоснуться к Нему, то первым делом он должен обратить свое внимание на смирение Иисуса Христа. Тогда наши ум и сердце могут загореться верою и чувством любви к Богу, потому что ничто другое, как только личный опыт соприкосновения с Духом Божьим, не может убедить человека в существовании Бога, никакие наши проповеди, рассказы и голые слова не могут это сделать сами по себе, но только жизнь конкретного человека может поспособствовать тому, чтобы создать в душе как бы почву для того, чтобы глазами своего ума и сердца увидеть и почувствовать Евангельское слово и, загоревшись верой в Бога, самостоятельно обратиться к Нему.

То, что сделал Бог два тысячелетия тому назад, изменило ход событий человеческой истории и так же может перевернуть внутренний мир любого человека, если он обратит свое внимание на эту тайну, а лучше сказать – на этот дар всему человечеству, дар, который главным образом выразился в Крестной Жертве, ставшей основным орудием, изменившим этот мир в самых его основаниях. Потому что оказалось, что без Благодати Духа Святого, которую Господь нам благодаря этой жертве ниспосылает, в силу именно Своего смирения, выразившегося в Его воплощении и в искупительной за нас крестной смерти, никакая личность, а вместе с ней и все творение, не могут прийти в целостность и гармонию.

До воплощения Сына Божьего и Его искупительной смерти на Кресте смирение не имело такого значения, какое имеет сейчас. В древности смиренномудрие воспринималось только в категории субординации или подчинения себя перед вышестоящим, сейчас эта добродетель имеет другое наполнение и другой смысл, при условии, что она осуществляется ради Христа и в подражание Ему, как пренебрежение всему земному из любви к Отцу Небесному. Христианского смирения боятся все сильные мира сего, потому что оно рушит их гордыню в самом основании, смирение выглядит фанатизмом, зацикленностью, гордостью, но таким оно может показаться только тем, кто ждет смиренного подчинения не Богу и Его заповедям, а себе лично, и поэтому эту добродетель мир пытается исковеркать, переиначить ее смысл, наполнить ее совершенно другим смыслом, призывая к слепому послушанию не Богу, а земным стихиям. И тут христианину нужно быть очень бдительным, чтобы не превратиться из раба Божьего в раба миру сему, и чтобы свое малодушие, страх, слабость и маловерие не выдавать за смирение: «Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?» – ответили апо-

столы Петр и Иоанн первосвященникам иудейским, когда они требовали от апостолов покорности своему авторитету лично, а не Богу. Можно также сказать, что все ранние и современные внутрицерковные проблемы возникали и возникают на стыке этой добродетели и тайного или явного миролюбия тех, которые жаждут только славы и власти.

Смирение ради Христа, в послушание Его заповедям тихо и кротко, оно как вор в ночи внедряется во все злое так незаметно и глубоко, что зло, каким бы оно ни было большим, рано или поздно не выдерживает и рассыпается. Все христиане, которые когда-либо были гонимы или поруганы в своем смирении, невинно пострадавшие и уничтоженные злою волей сильных мира сего, в итоге выходили победителями, и мы имеем этому множество свидетельств в истории Церкви.

В наше время в теологических кругах стало часто звучать имя философа Фридриха Ницше. Причин этому множество, и очень спорных, потому что человеком Ницше был явно антицерковным, но для того, чтобы глубже и яснее понять, как добродетель смирения ради Бога выглядит вне контекста веры в Иисуса Христа, а еще лучше сказать, как выглядит ложное христианское смирение, можно познакомиться именно с философией Фридриха Ницше. Для многих современных зараженных рационализмом и потерявших живую веру христиан книги Ницше могут оказаться полезными, потому что в его злобных рассуждениях в какой-то степени подняты многие волнующие современность духовные вопросы. Ницше представлял и рассматривал христианство именно в парадигме смирения, но без живой веры в Иисуса Христа, и поэтому Евангельский призыв к смирению ему был совершенно непонятен. Такое христианство перед ним предстало хитрым, лукавым и вообще вредным для общества. Хотя, с другой стороны, то европейское христианское общество, о котором он писал, в большей степени действительно уже потеряло живое общение с Богом, и он описывал то, чему был очевидцем.

Нигилизм, описанный Ницше, уже пропитал все слои общества того времени, христианство превратилось в карикатуру, в идола и кумира, без живой и опытной веры в Бога. И действительно, если рассматривать Церковь с ее обрядностью и традицией только как призыв к смирению, то получится все то, о чем говорил этот безбожник, он действительно очень точно описывал, как работает христианская религия: без живой веры в Господа она превращается просто в идеологию, организацию и инструмент в чьих-то руках, чтобы управлять народом. Если есть какой-то христианин, будь то священнослужитель, который своей жизнью не верен Евангелию, то ему действительно, наверное, не помешало бы вникнуть в главные тезисы и претензии Ницше к христианству и Церкви и после этого честно посмотреть в свои глаза, потому что этот философ безошибочно описывает именно такое христианство, которое убило в себе живого бога и поставило на его место лишь рационалистическую конструкцию бога, хотя он и не делал различия и выступал за смерть бога в любой форме: конструкта, идеи или в каком-нибудь другом виде, который представлялся его больному воображению. Его взгляд на христианство – это взгляд не просто не верующего в Христа и Его Церковь человека, а человека, духовно и душевно сломанного рутинностью и буквоедством современной ему философии и теологии; все философские и религиозные построения и системы показались Ницше пустыми словами без духа, телом без души, или, проще говоря, во всем он увидел идолопоклонство, следуя которому народ превращается в «быдло», замыкая в себе всякую возможность к превращению себя в сверхчеловека, связывая или, наоборот, осуществляя свою волю к власти.

Интересно, что современная так называемая эпоха постмодерной философии, которая в лице Ницше, Хайдигера, Деррида и других придерживающихся этой идейной линии философов, строится на деконструкции текстов и объявила смерть бога в теологии и философии, эти философы, в своих выводах и аргументах, как ни странно, во многом переплетаются с Новым Заветом, и похоже, что философы только сейчас потихонечку подбираются к тому, о чем Церковь в лице Святых Отцов говорила всегда, Потому что основной посыл, который делают эти философы, – буква сама по себе не передает сути и внутреннего смысла написанного текста;

текст сам по себе не передает истины по существу. По их мнению, буква мертва и уводит читателя в неправильный дискурс. Но если постмодерная философия и теология переключают внимание человека от объекта к субъекту, то христианство обращает внимание человека не просто от буквы к самой личности человека, но к Божьему Откровению, которое выразилось Духом Святым в Церкви посредством Соборности, то есть в личностях, которые связали свою жизнь с Богом. Другими словами, у святых не человеческий субъект стоит в центре и как бы мерилом всего, но Бог Троица.

Православная Церковь, упираясь на свое Предание, свои священные тексты, всегда читает только со ссылкой на Соборные постановления и толкования святых Отцов, потому что текст всеми воспринимается по-разному и может привести к разногласию и расколам, и чтобы такое не допустить и сохранить ядро Откровения Божьего и единство живой мысли и смыслов, она созывала Соборы и устанавливала правила.

Стремление к единству смыслов, то есть единству своей веры в Боге Троице, в Боге Любви, – это одна из главнейших заповедей христианства, но проблема оказалась в том, что большинство христиан устремились за борьбу не за внутреннее единство, к чему призывал Сам Господь и Его истинные последователи, а за единство внешнее, что породило ужас инквизиций, потому что Церковь в таком случае всегда превращалась в инструмент и политический аппарат в руках власть имущих.

В христианстве всегда главным являлось приобщиться Духу Божьему, а не то чтобы слепо подчиниться букве, и это чистый акт веры, никакой мозговой скрежет объяснить это не может. Буква, текст, догмат, канон – это как бы тело, за которым скрывается Дух, и если в этой кожаной ризе тела нет духа, значит, это тело мертво. И если, например, христианин верит в Господа, живущего в нем, то это не сфера науки, чтобы такую веру человека объяснить или опровергать, но и эта вера не абстрактная, а вера в конкретного Бога, Который всех призывает к единству не механистическому, а внутреннему, единству человеческих сердец в Святом Духе.

Есть в человеке Святой Дух или нет в нем Его, это каждый христианин сам знает, и стыдиться этого свидетельства ему не сто́ит, потому что без живой веры мы убиваем в себе все святое, и в своем страхе показаться чудаками в глазах этого мира мы попросту теряем способность ощущать в себе святость и присутствие Бога. Боясь засвидетельствовать свою веру в Бога и Его нам Откровение, боясь засвидетельствовать свою веру и чувство присутствия в нашем сердце Бога, мы все бразды управления своей жизнью отдаем на растерзание агрессивным безбожникам и психологам, которые сегодня пытаются всю душевную сферу человека присвоить своей профессии. И, как мы можем наблюдать, они с удовольствием берутся рассуждать о том, чего не знают, и готовы объяснить, а лучше сказать – уничтожить и малое зерно веры, которое у человека, может быть, еще остается, чтобы подменить веру в Бога безликой экзистенцией.

Апостол Павел говорит: «Будьте бдительны и осторожны, чтобы вас никто не прельстил философиею и лестью щетною, по преданию человеческому и по стихиям мира сего, а не по Христе». То есть верующего человека всегда на его пути будет преследовать и пытаться сбить с толку текстуальность и внешние знания, но живая вера в Христа должна этому противостоять. В Библии сказано: «…и увидела Ева, что дерево хорошо, приятно, вожделенно, ибо ДАЕТ ЗНАНИЕ, и взяла с дерева и ела». То есть человек в глубине своего сердца всегда жаждет знать больше, познавая этот мир в творениях Божьих, но на этом пути ему всегда встречается дерево с запретным плодом в виде поклонения своему разуму. Господь ничего вредного для человека не сотворил, сказано, что все, что Богом создано, «хорошо весьма». Суть Райского запрета была не просто во вкушении Райских плодов, а в послушании Богу как источнику жизни, но человек воображает себе какие-то тайные знания, которые якобы если он узнает, то что-то с ним великое и чудное произойдет, и в этом весь пафос нашего безумия, потому что никакого тайного знания не существует, Бог отдает Себя человеку «целиком», а то, что человек по-разному ощущает Божье присутствие и Его благодать в себе, – это потому, что

до некоторых откровений и благодатных созерцаний нужно просто-напросто дорасти и себя к ним подготовить, а свое желание приобщиться к «тайным знаниям», которые человек в своей голове навоображал, – это попросту наше недоверие Богу и доверчивость к своим помыслам, через которые исптывает змий ложь и клевету на Господа. Мы ведь не считаем, что родители от ребенка скрывают знание, дело ведь в другом: у ребенка мозг еще слабый и не развитый, а вот когда вырастет, узнает все, что только сможет вместить. Но суть Райской трагедии заключается именно в том, что Адам и Ева свой живой опыт жизни с Богом предпочли воображаемому знанию. Святитель Иоанн Златоуст, говоря о Священном Писании, сказал, что «достойно укоризны то, что мы нуждаемся в Писании (то есть в букве), – но это второе врачевство». Другими словами, святитель говорит, что другого выхода нет, христианам приходится обращаться к Священным текстам, потому что живой опыт жизни в Боге они потеряли, и к этому потерянному опыту мы возвращаемся, прибегая к текстам. Но текст, как и икона (образ), должен для нас послужить трамплином, окном или дверью, а не мертвым идолом, на котором мы должны зациклиться и застрять как сектанты. Священные тексты Церкви, как и святые иконы, являются окнами, через которые мы соприкасаемся с духовным миром.

Господь через пророка Иеремию сказал: «Я заключу с домом Израиля новый завет… вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу… и будут все научены Богом его» (Иеремия 31, 31).

Господь на тайной вечере сказал Своим ученикам: «Лучше для вас, что Я вас покидаю (физически), а по Моем отшествии Я вам пошлю Духа Святого, Который вас наставит на всякую истину и напомнит вам о всем том, о чем мы беседовали». Сам Господь ничего не писал и никаких текстов нам не оставил, хотя из Евангелия мы знаем, что Он эту способность всем продемонстрировал, когда Иудеи намеревались забить камнями блудницу, тогда Он преклонился и какие-то слова писал на песке. Предание говорит, что Господь писал грехи тех Иудеев, которые держали камни, чтобы умертвить блудницу, и Он таким Своим действием показал этим религиозным фанатикам и законникам, что Он знает их грехи, то есть что они стоят перед Самим Всеведущим Богом, и этим их испугал, сказав: «Кто без греха, первым брось в нее камень». Наверное, Господь, зная, как человек подвержен разного рода фетишам и культивированию, не дал нам никаких текстов от Своей руки, чтобы не быть прямым виновником того, как люди начнут убивать друг друга, и тем более чужих по вере из-за этих папирусов. Он сказал: «Овцы Мои глас Мой слышат!» – то есть кто Бога чувствует и знает, тот может правильно сориентироваться и без текстов, такой человек слышит Господа своим сердцем, а человек далекий от Бога и без повода хочет враждовать с другими, мы ведь видим, сколько за эти две тысячи лет появилось расколов и сект, и все на почве буквоедства.

Ислам вообще говорит, что их священная книга Коран написана рукой бога и что она вечна, как сам бог. То есть всюду одна и та же проблема. Но вот что говорит об этих вещах апостол Павел: «И слово мое, и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1 Кор, 2.4). То есть не голые слова и буква, а явление благодатной Силы! В другом месте он говорит: «Буква убивает, Дух животворит», – и еще: «Царство Божие не в слове, а в Силе». Когда мы живем с верою в Бога, то Он пишет Свои слова и заповеди уже не на каменных скрижалях, как в Ветхом Завете: «Это не скрижали каменные, но плотянные скрижали сердца» (2 Кор 3,3). Когда человек с живой верой приступает к Богу, то Слово Божие – это уже не просто текст, а что-то совершенно другое, что может коснуться самой глубины души и перевернуть жизнь человека на другую: «Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр, 4,12).

Но самое удивительное в словах апостола – это не просто его призыв, чтобы не упираться на один лишь текст без жизни в Боге и таким образом не делать из текста идола, но и чтобы не постыдиться Смирения Сына Божьего и увидеть в Нем главное оружие, которым только и

можно победить грех и все злое. Пророк Исаия, Духом Святым и как бы от лица самих апостолов передал нам необыкновенное пророчество о тайне нашего спасения, о тайне Смирения Христового, выраженное в Его безграничной любви к Отцу Небесному и к Своему творению, через удовлетворение Своей правды посредством искупительной жертвы через смерть на Кресте, пророк Исаия пророчески сказал еще за шесть сот лет до всех этих событий: «Мы видели Его, в Нем не было ни вида, ни величия, которое привлекало бы нас к Нему. Он был презрен и умален паче всех людей человеческих, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвратили от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя грехи и немощи наши; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (пророк Исаия 53). Именно Личность Сына Божьего, Его Смирение и Крест являются той силой, которая приносит нашей душе радость и успокоение в любых жизненных искушениях, скорбях и испытаниях, нас постигших, потому что благодаря Христову смирению и Его заслуге как не только Бога, но и представителя всего человечества, мы можем ощутить с в себе действие Святого Духа. Апостол говорит: «Христос послал меня благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых Сила Божия. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. Где мудрец? где книжник? где со вопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков. Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное, и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом (1 Кор. 1, 17–29).

В наше время церковные лавки наполнены книгами разного толка и на самую разную тематику, но книг с современным живым опытом соприкосновения с Промыслом Божьим мало, а этот момент немаловажный и, лучше сказать, наиважнейший для современного и постмодерной эпохи человека, которому не интересны посредственные пересказы о святых или истории древних христиан, современный человек абстрактен, очень чувствителен и рационалистичен и хочет услышать о том, то что совершается сегодня и сейчас с конкретным и живым человеком, ему хотелось бы соприкоснуться с чем-то таким, что может коснуться глубины его души, хоть бы этот чей-то опыт и не совсем оказался белым и пушистым, но зато живым и близким нашей повседневности. Нам довелось родиться и жить в такое время, когда, как никогда раньше, всякая теория и Церковный догматизм без наличия живого опыта и веры превратился в ненужный хлам. И хоть для нас, Православных, рассказывать свои личные переживания считается делом не принятым и не скромным, я все же решил это сделать не ради того, чтобы себя как-то показать, а ради любви к Христовой Церкви и любви к ближним.

Чтобы разнообразить этот жанр и дать возможность тем людям, которым попадет в руки эта книга, немножко передохнуть от однообразия, я в некоторых местах описания этой истории поделился с читателем с своими размышлениями о христианских добродетелях, над которыми

мне приходилось трудиться, и также тем, каким образом я для себя разрешал те духовные и Церковные вопросы, с которыми меня сталкивала повседневность.

Архимандрит Нектарий (Тушер)

Глава 1

Сегодня 2026-й год, и последних десять лет своей монашеской жизни я живу в горах Кавказа, неподалеку от пожилого монаха, священника отца Нектария, который приехал сюда подвизаться в девяностых годах из Почаевской Лавры к своему родному брату монаху Константину, который тогда уже подвизался здесь на 15 лет раньше батюшки. Самому отцу Нектарию сейчас почти восемьдесят лет, и нужно сказать, что это, конечно, не те старцы, о которых мы читаем в древних патериках, но некоторые отголоски древности в этих современных подвижниках все же видны, думаю, это связано также и с их поколением, и я постараюсь честно обо всем рассказать, но начну по порядку.

Родился я на Украине, в горах Закарпатья, в небольшом городке Воловец, в семье простых христиан, мой отец венгерской национальности и до принятия Православия во взрослом возрасте был Римско-католического вероисповедания, а мама, закарпатская «русынка», православная, но с отцом никогда никаких разногласий по вере не имели. Нас, четверых детей, родители воспитывали в христианской вере, но без фанатизма и религиозного насилия, и когда мы приезжали к бабушке по отцовской линии, то ходили в Римско-католический Храм, а дома, откуда мама родом, мы посещали в большие Праздники Православный Храм. В общем, в Храм мы редко ходили, но молиться нас родители научили, немножко на венгерском и церковнославянском языках. Все большие праздники мы праздновали по два раза в год, по новому и старому календарю, придерживаясь Православной и Католической традиций одновременно, одним словом, религиозная среда была нам не чужда и естественна.

Но по-настоящему, осознанно, как оказалось, первый раз в жизни я помолился уже будучи юношей, в армии, когда нас по службе отправили на выезд для помощи людям, пострадавшим от стихийного бедствия. Это была осень 1998 года, и я после дежурства, ночью, забрался внутрь большой военной машины БТР, чтобы отдохнуть, и помню, что долго не мог уснуть, мои размышления были о тех страданиях людей, с которыми я тогда встретился, я пытался переварить свои впечатления от всего увиденного, и тогда возникла мысль, как мне жить дальше. Я решил обратиться с молитвою к Богу: «Если Ты существуешь, то явись мне, и тогда я изменю свою жизнь!» В то время у меня еще не было представления и глубоких познаний о Боге, и даже сейчас, спустя почти тридцать лет, я не могу до конца понять, почему тогда задался вопросом о существовании Бога. Видимо, моя вера имела поверхностный характер, что и происходит со всеми, кто крещен в бессознательном возрасте, и когда человек становиться взрослым, перед ним повторно возникает вопрос веры, но уже сознательно, это как бы новый религиозный виток, через который должны пройти все, кто рожден и воспитан в религиозных семьях. Потому что Господь разрушает всякую рутинность и автоматизм веры и призывает человека к сознательному отношению к Нему. В то время я практически не имел никаких религиозных знаний и не имел понятия о дерзости, гордости, о том, что Бог Свят, а наша душа повреждена грехом, и что нам в своем поврежденном грехом состоянии не свойственно с Богом «встречаться», и что даже святые редко удостаивались явной встречи с Богом, к тому же я не был воцерковленным человеком и даже Священное Писание тогда не знал, читал только детскую Библию в подростковом возрасте. Но Господь все же не замедлил с ответом, и в ту минуту я ощутил какое-то странное состояние, как будто бы ко мне со всех сторон одновременно и даже как-то изнутри меня (это сложно объяснить и передать словами) приближается какая-то неведомая сила, меня охватил ужас даже до какой-то боли, как мне казалось, что еще немного, и меня разорвет в клочья, и я закричал:

– Не надо, я верю, остановись!

Все мгновенно утихло, я не увидел Бога, но удостоверился в Его существовании. Это не был сон, событие происходило со мной, пребывающем в полной трезвости и ясности ума, и

оно было переломным в моей жизни, тогда я для себя решил, что другого пути для меня быть уже не может, и я должен следовать этому зову.

Но тогда я еще не понимал, что все это только цветочки, а ягодки меня ждут ввпереди, а для того, чтобы стать христианином, нужно кровь пролить, а не просто включиться в Церковное обрядоверие. Вскоре после этого случая, это был 1998 год, я очень сильно заболел, и меня отвезли в госпиталь города Самбор, Львовской области, там я еле оклемался. В то время со мной в палате оказался еще один пациент, десантник, Православного вероисповедования, родом из Почаева. Через два дня в больницу пришли какие-то проповедники, их впустили к нам в палату, и этот парень стал задавать им простые вопросы о вере и Церкви, я помню, когда он с ними разговаривал о вере, о Боге, о святых, моя душа горела какой-то новой радостью, его слова мне показались совсем не их проповедью, это было не цитирование текстов, а что-то совсем другое, живое, что пробудило во мне интерес. Этот парень, по-моему, вообще бы не заговорил с ними о своей вере в Бога, если бы они не стали навязываться, но благодаря этому случаю я узнал о христианстве что-то для себя совсем новое, потому что я никогда не соприкасался с религией глубоко и о святых, о старцах никогда ничего не слышал, моя вера была чем-то очень личным, не церковным, и я оставался ветхим человеком, во мне бурлили юношеские страсти и амбиции.

В другой раз, когда я унизил одного молодого солдата, ко мне подошел какой-то парень с маленьким Евангелием в руках. Это был баптист, он указал слова о любви к врагам, я не стал его за это обижать, но и не стал ему показывать вида, что к его словам прислушался. Помню, что у меня тогда возникло ощущение, будто Кто-то меня просто хочет вырвать из этого мира и направить на другой путь, и тогда я ощутил в себе раздвоенность: с одной стороны, я оставался прежним человеком, но с другой – в мое сердце врывалась новая реальность, которой я страшился, но все же в глубине души понимал, что нужно меняться и становиться на другой путь. Еще хочу заметить, что в молодости я не был святошей, и практически весь подростковый период и юность протекали в разгильдяйстве. Как-то раз я снова оскорбил (мягко говоря) одного парня, и тогда ночью я увидел во сне Иисуса Христа, Он с любовью смотрел на меня и плакал, в этот момент я проснулся, моя душа была наполнена состраданием и любовью Божьей, и те Его добрые и милосердные глаза очень мне запомнились, потому что в тот момент в своей душе я ощутил необыкновенные спокойствие и легкость, и после пробуждение это ощущение меня не покидало целый день… В дальнейшем добрые глаза Спасителя были моими руководителями через всю жизнь, потому что духовника я нашел не сразу, но когда и встретил его, то к нему, если честно, доверия у меня было мало. Здесь нужно сразу оговориться, что именно ненасильственный метод религиозного воспитания моих родителей помог мне в моих будущих исканиях, потому что при малейшем ощущении агрессивности или какой-то директивности со стороны религиозных людей или священнослужителей во мне вызывали к ним недоверие и даже неприязнь, и именно эти первоначальные события в моем обращении к Богу, этот непосредственный опыт встречи с Господом, когда я еще не был воцерковлен и сформирован как христианин, помогли в моем становлении держаться свободного, осознанного и вообще такого отношения с Богом, какое Он мне продиктовал Сам, явившись мне не только как Праведный Судья, но и как безграничные милосердие и доброта.

Я также благодарен моим родителям, которые никогда ни применяли и тени насилия в моем религиозном воспитании, мой путь и избрание религии, которую я, с Божьей помощью разобравшись, выбрал самостоятельно, были обусловлены полнейшей свободой и уважением к моему выбору с их стороны. Родители и сами выросли в христианской культуре, и поэтому она также сыграла большую роль и повлияла на их религиозность. В целом, мой отец был очень строгим в нашем воспитании, и мы не раз получали от него ремнем за плохое поведение, но что касается молитвы и Церкви, то тут была полная независимость, я не помню ни одного случая, когда бы отец или мама нас заставляли или хотя бы своим тоном на нас как-то давили,

чтобы мы молились или шли в Храм, просто никогда! Но зато когда отец вечером приходил к нам в комнату, чтобы нас учить молиться или просто чтобы с нами помолиться, то он делал это с таким теплом, что мы этому не могли противиться, даже наоборот – такие моменты по детски очень любили, тем более что эти молитвы были непродолжительными, и в их основе лежали не просто тексты, а личное обращение к Господу. И потом в церковные праздники мы всегда были осыпаны подарками, и эти праздничные дни были очень тихими и радостными, все очень красиво одевались и садились за стол, а отец входил в комнату с караваем (хлеб со свечами) и проговаривал какие-то касательно этого праздника слова, потом наступала тишина, все молились каждый про себя, своими словами, и начиналась тихая и спокойная вечерняя трапеза, потом начинали петь Церковные песни, приходили гости. Помню, когда умер наш сосед, и мы про это только узнали, я вошел в нашу детскую комнату, а мой брат стоял там на коленях перед образом и за покойного дядю Толю молился (своими словами). Это я к тому, что семя, которое родители посеяли, давало положительный результат.

Впоследствии, когда я переходил из католического монастыря в православный, эти моменты религиозного воспитания послужили моему свободному и непринужденному выбору той религии, которую я хотел избрать и исповедовать самостоятельно без акцента на национальную или этническую принадлежность. Для меня всегда цель была не просто принадлежность к конфессии, а Воля Божия и Истина, Сам Господь Бог. Моя родная сестра также поступила в монастырь, в католический орден – кармелиток. К священноначалию, как и вообще к старшим людям, мой отец вложил в нас уважение и почтительность. Он сам на собственном примере всегда проявлял большое уважение к священноначалию и вообще к старшим людям, а также к бедным и больным. Помню, как он приглашал домой цыган и кормил их, а я потом брезговал из этой посуды кушать.

После увольнения с воинской службы передо мной стоял вопрос, как дальше жить. Друзья влекли меня на старый лад, на душе было тоскливо и даже как-то очень плохо, я все время думал, как мне быть дальше. Армейский опыт познания Бога я постоянно пытался в себе подавить, потому что не видел, как нужно стартануть и с начать, был страх и стыд перед окружающими объявить о себе как о верующем.

Никого из священников и даже из простых мирян, кто был бы воцерковленным христианином, я тогда не знал, кроме своей бабушки, но она в то время уже болела деменцией и была старенькой, моя мама была ее одиннадцатым ребенком. Имелась и другая родня из воцерковленных, но в то время я еще боялся с кем-то по этой теме сближаться. Однажды я пошел на почту, чтобы позвонить знакомому в другой город, мобильных телефонов тогда не существовало. Заказав звонок, я уселся внутри помещения за большой стол и погрузился в раздумья. Помню, как подумал: «Господи, если Ты действительно хочешь, чтобы я все бросил и пошел за Тобой, то дай мне видимый знак». И как только я это подумал, то увидел на столе, за которым уселся и который весь был испещрен разными нецензурными словами, слово: «Покайся». В тот же миг я как бы возразил себе подумав, что такого не может быть и что это случайность, но как только я это подумал, то увидел снова этот же призыв, но уже в другом углу стола! И дальше, возражая сам в себе и противясь увиденному, я подумал, что если это не случайность, то пускай я больше не найду такое слово написанным на столе, и тогда я приму это как Божие обращение лично ко мне… И действительно, больше я это слово не нашел.

В моей душе появилась смелость не останавливаться на этом пути и идти дальше, чувство удостоверения, что Бог со мной, что бояться нечего, и тогда я закоулками и так, чтобы меня никто из друзей и знакомых не увидел, пошел в Церковь. Это был греко-католический храм, почему не православный, не могу себе объяснить, наверное, потому, что мои родители, хоть были люди религиозные, но все-таки не воцерковленные и разницу между конфессиями не делали, и мы, дети, были лояльны как к православию, так и католичеству. Но у меня есть подозрение, что в этом состоял промысел Божий, и мне нужен был этот опыт, а потом, обряд

греко-католиков и православных у нас в Закарпатье совершенно одинаков, и даже богослужение совершалось на том же церковнославянском языке, и даже с одинаковыми напевами, разница только в поминовении русского патриарха и папы римского. И так как этот приход маленький, людей там было совсем не много, мне он показался уютным, там я мог спрятаться от лишних глаз и слухов и от людей в городе, где мою семью все знали. Народа туда ходило очень мало и практически одни пожилые люди, я был, наверное, первый из молодых людей, кто в то время регулярно посещал этот приход.

Так началось мое обращение и воцерковление. Потом, через пару лет, я снова заглянул на почту, чтобы посмотреть, будут там написаны эти слова или то было какое-то самовнушение, и обнаружил, что они действительно на столе были кем-то написаны, и даже если это была чья-то шутка, я верю, что без Воли Божьей и волос с головы у человека не падает, и что если Богу угодно, то и камни заговорят.

Спустя несколько месяцев во мне снова проснулись страсти, и под давлением помыслов и страстей я начал потухать, потянуло к прежней жизни, к прежним развлечениям с друзьями… И тогда случилась трагедия и большое потрясение в моей жизни, погиб мой родной брат Николай, с которым мы практически одногодки, разница между нами одиннадцать месяцев. Мы выросли, можно сказать, в одном рукаве, все девятнадцать лет бок о бок. Это событие окончательно повернуло и направило меня в духовное русло. Я начал учить церковнославянский язык, собрался поступить в греко-католическую семинарию, но через месяц или два своих раздумий решил уйти в монастырь, и это решение считается новым витком в моей жизни, это начало мытарств и скорбей, но вместе с тем и живым опытом познания Бога.

О живой вере

Тут хочется сделать небольшую паузу и написать несколько слов о христианской вере. То, с чем мне приходилось встречаться почти за двадцать пять лет моего священнического служения, – это какое-то странное представление околоцерковных людей о Православной вере. И самое печальное, так это странное представление о вере многих людей, принадлежащих к Церкви. Я сейчас не говорю о вере как внутреннем порыве души, о вере абстрактной и в целом, а говорю именно о вере в Господа нашего Иисуса Христа, которая является ядром Православного вероисповедования. Неправильное понимание религии очень часто заканчивается разрывом с Церковью, без осознания, что разрыв произошел не просто с организацией, а с общиной, основанной Самим Господом для спасения верующих, потому что когда человек, принадлежа к Православной Церкви и даже участвуя в Ее Святых Таинствах, в то же время не верует в Иисуса Христа как в истинного Бога, и когда христианин отодвигает свое живое общение с Богом на второй план, отдавая предпочтение вещам второстепенным, хотя бы и нужным, например с одной стороны старцам, духовникам и обрядности или, с другой стороны, изучению богословской литературы, – тогда его принадлежность к Церкви может потерять смысл и привести христианина к охлаждению, и все закончится разочарованием во всем и может привести человека к разрыву и бегству из Церкви. Причем часто это случается с большим треском, осуждением и обвинением Ее членов и иерархов во всех случившихся с ними бедах. Без веры в Господа нашего Иисуса Христа как Истинного Бога и нашего Искупителя и без живого общения с Ним все встречающиеся нам скорби воспринимаются очень болезненно и невыносимо тяжело.

Только в Иисусе Христе мы можем совершенно ясно увидеть и понять, в чем смысл нашего членства с Церковью, только так обрядность и традиции оживают и приобретают смысл, только тогда Православное богословие оживает и перестает казаться безвкусным и схоластичным. Но современному человеку эту истину уже сложно вместить в понимание, зараженный либерализмом и относительностью, современный человек хочет знать только такого Бога, Который бы помещался в его свободолюбивый ум, он хочет накинуть на Бога свой образ представления о Нем и дать волю своему мышлению, ему тягостны любые догматы и правила, в которые он не хочет верить как в откровение Самого Бога Своей Церкви. Современному человеку тесно и душно в Церкви, он хочет жить и существовать вне правил и запретов, все религии, по его мнению, декларируют одного итого же бога, но в разных представлениях, и поэтому, как ему кажется, нет смысла напрягаться в вопросе, какая религия истинная. Поэтому такое его верование в Бога абстрактно, а не конкретно, Господь где-то там за завесой постижимого, и так как Он апофатичен и обижаться не умеет, то, значит, не существует никаких запретов, границ и правил.

Но этот подход лишает человека живого опыта общения с Сыном Божьим, а через это – лишение общения с Отцом и Святым Духом, то есть такое мировоззрение лишает человека связи с Богом и спасения. Ведь Евангельские Заповеди – это не абстракции и не философствование, а живой Завет Бога человеку, вне которого говорить о вере в Бога означает просто-напросто обманывать самого себя, потому что все наши религиозные действия, моления, посты, подвиги, посещения богослужения и причастность к Таинствам Церкви не имеют никакой ценности без веры в Иисуса Христа, и тем более никакое относительное верование и философствование не могут нас спасти и дать успокоение душе. Но, как ни странно, в Церкви встречаются люди, которые не знают, что Иисус Христос – это не просто человек, а что Он наш Творец и Бог, Который воплотился, то есть родился от Духа Святого и Девственницы Марии, чтобы, вошедши в наш мир, спасти нас от вечной смерти, что Иисус Христос есть Сын Божий, Который создал Свою Церковь, то есть Свою общину и Ею невидимо управляет Духом Святым

и по сей день, и что все нами совершающиеся подвиги в Церковной жизни нужны только для того, чтобы духовно подготовить себя к соединению с Господом, и сами по себе без веры в Сына Божьего эти религиозные действия и обряды никакого значения не имеют и иметь не могут!

В житиях святых и древних патериках мы читаем, что подвизаться ради подвизания приводило подвижников к прелести, или, как сейчас говорят, к нервным срывам и к психическим нарушениям. Послушание даже священноначалию ради самого послушания часто приводит людей к разочарованиям и лицемерию, к неприязни и претензиям к ним, иногда приводит даже к уходу из Церкви или к расколам, и все потому, что такие люди не поняли сути Православной веры. И наоборот, мы не встретим ни одного искренне верующего в Иисуса Христа человека, который бы чем-то соблазнился и ушел из Церкви, такого просто быть не может, потому что во Христе человек наполнен Его Евангельскими словами и Его благодатной силой, человек, просветленный Светом Христовым, готов, может и хочет ради своего Господа все терпеть. Наша любовь и частое общение с Богом не позволяют нам отчаиваться и опускать руки при встречающихся на пути соблазнах, хоть бы эти соблазны и исходили от самих епископов или Патриархов, потому что истинно верующий христианин осознает и чувствует сердцем, к Кому он пришел, присоединившись к Церкви. Все без исключения ушедшие из Церкви или в раскол люди не имели веры в Сына Божьего, они отдали предпочтение чему-то иному, или каким-то формам религиозности, или каким-то идеям в виде почитания старцев, патриотизма, борьбы с глобализмом и т. д. Преподобный Антоний Великий как-то сказал своей братии: «Если сатана вам скажет поститься, то не поститесь, если сатана вам скажет молиться, то не молитесь, но помните цель, ради которой вы оставили мир!»

Наша цель – это Царство Небесное, через веру и соединение с Господом нашим Иисусом Христом! И никакой пост или молитвы сами по себе пользы принести нам не могут, кроме как самомнения и высокого думания о себе, а еще хуже – они могут человека привести к душевному и телесному повреждению. Только с верою в Господа нашего Иисуса Христа и живого общения с Ним все наши религиозные действия и подвиги приобретают адекватный смысл и приносят духовную пользу, потому что Господь наш Иисус Христос является источником и смыслом христианской жизни! Господь сказал в Евангелии: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой». – Если не поверите, что это Я, то умрете в грехах ваших. – Я дверь овцам, Мною кто войдет, тот спасется! – Кто со Мной не собирает, тот расточает! – Кто не со Мной, тот против Меня. – Я лоза, а вы ветви, кто не пребудет со Мной, тот как ветвь высохнет и отпадет, без Меня не можете делать ничего! – Я Хлеб Жизни, Который сошел с неба, кто вкусит от Хлеба этого, тот будет жить вечно! – Я Путь, Истина и Жизнь, и никто не приходит к Отцу, как только через Меня! (Евангелие от Иоанна).

Глава 2

Ко времени моего поступления в монастырь родители уже регулярно посещали Храм. Когда я объявил им о своем решении, мама заплакала, ей вообще душевно было очень тяжело, потому что еще недавно погиб ее один сын, а сейчас с другим что-то неладное творится. Но она все случающееся с ней воспринимала молча, как и всегда, и тогда я еще ее не совсем понимал, только с возрастом и много лет спустя вспоминая и анализируя все прошедшие события, вижу, каким необычным человеком она была. Практически все ее прогнозы касательно меня и тех своих мыслей, которые она мне открывала о родных и близких, сбывались. По характеру она была очень мягким, но в то же время гордым человеком. Она была одиннадцатым ребенком у своих родителей и, наверное, все внимание, какое часто родители уделяют самым младшим детям, на ней сказалось, хотя бабушка, то есть ее мама, была строгой и очень верующей Православной христианкой, всегда посещала Храм, четко соблюдала правила Церкви и соблюдала все Праздники.

Повторю свою мысль, что мама практически всегда «говорила молча» и была обидчивым человеком, хотя и умела быстро отходить, но по большему счету все держала в себе. Помню, как однажды в моем подростковом возрасте отец за мое плохое поведение в воспитательных целях и чтобы немножко встряхнуть выгнал меня из дома; я уперто ушел в подвал нашего пятиэтажного дома, где мы с друзьями часто собирались. Мама меня нашла, села рядом и молчала, а когда я ее спросил, зачем она пришла и что хочет, то ответила: «Куда ты, туда и я!» – и заплакала.

Хочется рассказать один эпизод своего детства. Когда меня отдали в детский садик, я никак не мог к нему привыкнуть, постоянно плакал. Воспитательницы все время меня пытались чем-то развлечь и утешить, но безрезультатно, пока не появилась одна новая воспитательница, которая села рядом со мной и, обняв меня без единого слова, находилась рядом и так делала всегда, как только замечала, что мне плохо. Таким образом я успокаивался и к ней привязался, наверное, потому, что ей поверил, она не навязывалась, не насиловала меня своей волей, не шутила, не кривлялась, пытаясь рассмешить, а просто тихо и молча была рядом, разрешая мне быть собой, но вместе с этим не оставляя меня своим спокойным вниманием и любовью, в моей памяти четко запечатлелись ее грустные глаза. Этот ее жест был тождественным характеру мамы, и как-то интуитивно своим детским чутьем я это узнал и поэтому этой воспитательнице поверил. Я не запомнил ни одного лица других сотрудников детского сада, а лицо этой женщины помню до сих пор, наверное, людям присуще запоминать тех, кто к ним проявил внимание и любовь.

Современный мир построен таким образом, чтобы своим криком, шумом и кривляньями разыграть комедию и заглушить в человеке его дух, заглушить саму личность человека, чтобы он потерял себя самого, а в воспитании ребенка очень важно прислушаться к нему и попытаться на каком-то детском уровне сознания привить любовь и вкус к осмыслению вокруг происходящего, а еще лучше сказать, раскрыть в нем любовь и придать уверенности, учить ребенка думать, чтобы потом, в будущем, он смог сориентироваться, когда встретится с соблазнами этого мира.

Печаль и уныние накрыли меня практически сразу после моего обращения к Богу, но с некоторой оговоркой, то есть они возникали не из-за религиозности, а из-за неумения свою религиозность совместить с окружающим бытом. Я быстро столкнулся с проблемами, как внешними, так и внутренними. Когда было время уединиться, тогда для молитвы я уходил подальше от чужих глаз, а когда глубже начал погружаться в религиозную тему, то брал книгу какого-то духовного автора и с утра до вечера уходил в Карпатские горы. И когда я замыкался в свой внутренний мирок, то все выглядело довольно спокойно, но как только я «спускался на

землю» и снова входил в общение с ближними, то все, что я прочитывал и о чем мечтал, когда находился в уединении, не совмещалось с тем, что я теоретически прочитывал о внутренней жизни в святоотеческих поучениях. И эти качели не совсем осознанно продолжались со мной несколько лет, и даже когда я уже ушел в монастырь и стал священником, моя тревожность только нарастала, я то погружался в духовный мир святых и их поучения, то выходил из него и, как обычно, общался с теми, кто меня окружал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.